

**СЕМЬЯ В ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА
КОНЦА XIX– НАЧАЛА XX ВЕКА**

*Т.И. Любина**

Среди явлений общественной жизни, интерес к которым не ослабевает на протяжении нескольких последних десятилетий, одно из первых мест занимает семья. Будучи необходимым компонентом социальной структуры любого общества, семья играет важную роль в его развитии. Через семью сменяются поколения людей, в ней осуществляется «производство» самого человека, продолжение рода. В семье происходит первичная социализация и воспитание детей вплоть до достижения ими гражданской зрелости. В семье в значительной части реализуется обязанность заботиться о старых нетрудоспособных членах общества. Семья является также ячейкой организации быта и важной потребительской единицей¹.

В 1960–1970-е гг. история семьи стала одной из самых быстроразвивающихся субдисциплин социальной истории и полем многочисленных острых дискуссий. В результате сформировалось представление о предпочтительности комплексного рассмотрения семьи, во всех ее аспектах (демографическом, экономическом, правовом, социологическом и психологическом) и в непосредственной связи с основными тенденциями социально-экономического и культурного развития общества². Комплексные исследования по истории семьи осуществляются главным образом в рамках локального социального анализа, позволяющего наблюдать все общественные связи и процессы в их естественной среде. По мнению Л.П. Репиной, это закономерно, поскольку семья, являясь микроединицей существующей общественной связи (социальных отношений), воспроизводит эту связь в рамках той группы, в которую она входит совместно с другими аналогичными ей единицами³.

Изучение чиновничьей семьи конца XIX– начала XX в. позволит, с одной стороны, уточнить существующие в историографии представления о семье и – шире – о социальной структуре пореформенного и предреволюционного российского общества. С другой стороны, через изучение семьи можно глубже изучить российскую бюрократию – особенности ее регенерации, ее место в окружающем социуме, проблемы социальной и пространственной мобильности чиновничества и т. д. В основу исследования был положен комплекс источников, как ставших уже традиционными при изучении российского чиновничества (формулярные

* Любина Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского госуниверситета.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Администрации Тверской области, проект № 05-01-57105 а/Ц.

¹ Народонаселение: Энциклопедический словарь. – М., 1994. – С.430–431.

² Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история: Ежегодник, 1997. – М., 1998. – С.37.

³ Там же. – С.47.

списки, законодательные материалы, источники личного происхождения, художественная литература), так и сравнительно редко используемых (метрические книги, первичные материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г., брачные обыски, личные дела чиновников). Представить в рамках одной статьи общую цельную картину развития семьи и брака в провинциальной бюрократической среде рубежа XIX–XX вв. очень сложно, поэтому задачи пришлось ограничить рассмотрением демографических и, в меньшей степени, психологических аспектов.

Известно, что семья в своем развитии проходит ряд этапов, последовательность которых складывается в жизненный цикл семьи. Выделяется разное число стадий или фаз этого цикла: образование семьи (вступление в первый брак), начало деторождения, окончание деторождения, «пустое гнездо» (вступление в брак и выделение из семьи последнего ребенка), прекращение существования семьи (смерть одного из супругов).

Ключевое положение в интерпретации взаимодействия демографических, экономических и социальных процессов занимает брак – событие, влекущее за собой создание новой ячейки общества. Интерес представляет соотношение женатых и холостых, возраст вступления в первый брак, особенности брачного выбора и т.д.

В различных возрастных группах тверской бюрократии конца XIX–начала XX в. соотношение холостых, женатых и вдовцов было неодинаковым. Среди чиновников младше 25 лет преобладали холостяки, а доля вдовцов была минимальна. Первая возрастная категория, в которой доля женатых превышала долю холостых, была 26–30 лет. В группе 36–40 лет удельный вес холостяков стабилизируется на уровне 10–15 % и сохраняется в таком виде (с небольшими колебаниями) в более старших возрастных группах. Одновременно, начиная с 31 года, увеличивается доля вдовцов, достигая максимальной отметки (25%) в группе 66–70 лет.

Значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке (в целом для тверского чиновничества конца XIX–начала XX в. она составила 29%, для чиновников старше 31 года – 19,7%, для чиновников старше 41 года – 14,8%) – особенность брачного поведения российской бюрократии, на которую уже обращалось внимание в историографии. Б.Н. Миронов предположил, что основной причиной был материальный фактор. Недостаток средств, маленькое жалованье не позволяли чиновнику обзаводиться семьей. Однако анализ материального положения холостяков показал, что среди них было немало весьма состоятельных лиц. Например, из 7 губернаторов, служивших в Тверской губернии с 1868 по 1917 г., двое были холостяками. Оба являлись крупными землевладельцами: А.Н. Сомов владел 2552 десятинами земли в Воронежской губернии, П.А. Слепцов – 6650 десятинами (нераздельно с братом) в Саратовской и Пензенской губерниях. Холостыми были председатель Кашинского окружного суда действ. ст. сов. Н.Д. Федоров, управляющий Тверской казенной палатой тайн. сов. А.К. Жизневский, старший советник Тверского губернского правления действ. ст. сов. В.А. Плетнев, управляющий Тверской контрольной палатой действ. ст. сов. В.И. Покровский и ряд других далеко не самых бедных тверских чиновников.

Второй особенностью был сравнительно поздний возраст вступления чиновников в брак. Как уже отмечалось, первой возрастной группой, в которой доля

женатых превышала долю холостых, была 26–30 лет. Таким образом, 25–30 лет можно ориентировочно принять за наиболее распространенный в чиновничьей среде брачный возраст. Это подтверждается и данными метрических книг (рис.2). Из 249 случаев вступления чиновников в первый брак (за период с 1880 по 1906 гг.) в 110 (44%) возраст жениха варьировался в диапазоне 25-30 лет. Средний брачный возраст, рассчитанный на основе того же источника, составил 28,2 лет.

Основным социальным условием (предпосылкой) создания чиновником собственной семьи была устойчивость его общественного и материального положения⁴. Поэтому служащие, вступавшие в брак до 25-летнего возраста, были сравнительно редким явлением. Причем в конце XIX в. более редким, чем в середине. Очевидно, в середине века уже само поступление на службу являлось достаточной гарантией стабильности социального положения молодого человека. «Коль скоро человек “пристроен к делу”, – отмечал М.Е. Салтыков-Щедрин, – коль скоро он надел на себя вещественный знак этого пристройства, так тотчас же он сделался человеком “нужным”. Перед ним «открывается целый мир не блестящих, но прочных благополучий... Тут всё: и верный кусок пирога, и благосклонная улыбка “нужного человека”, и спокойный послеобеденный сон, и чувство обеспеченности от риска сломать себе шею»⁵.

К концу XIX в. представления о жизненном «пристройстве» несколько изменились. Во-первых, возраст начала службы имел тенденцию к увеличению. Гораздо большую роль в карьере стало играть образование, получение которого требовало времени⁶, сказывалась и необходимость выполнения воинской повинности⁷. Во-вторых, сама служба, особенно на ранних этапах, стала в пореформенный период более мобильной, была связана с частыми переездами, бытовой и материальной неустроенностью. Всё это заставляло чиновников откладывать момент образования семьи. Браки, заключённые раньше 24-летнего возраста, особенно если жених ещё не завершил образование, воспринимались как исключение, отклонение от нормы. «Мой отец, – вспоминала дочь П.А.Столыпина, – женился очень молодым и, когда делал предложение моей матери, боялся даже не послужит ли его молодость помехой браку... Моему отцу тогда не было ещё двадцати двух лет, и он кончил университет уже после свадьбы, даже когда я уже была на свете ... Когда я была старше, мой отец сам рассказывал о том, какой редкостью был в те времена женатый студент, и как на него показывали товарищи: «Женатый, смотри, женатый»⁸.

Рассмотрев типичные и нетипичные случаи, можно выявить несколько факторов, влиявших на брачный возраст:

⁴ Герой романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история» Петр Иванович Адуев так аргументировал свое отрицательное отношение к брачным планам 23-летнего племянника: «В эти лета женятся только мужики, когда им нужна работница в доме!...А без состояния, так еще хуже! есть, говорит, нечего!...?Я, говорит, женат, у меня, говорит, уж трое детей, помогите, не могу прокормиться, я беден...», беден! какая мерзость...». (Гончаров И.А. Обыкновенная история. – М., 1983. – С. 83–86).

⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Молчалины // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 тт. – М., 1988. – С. 366.

⁶ Уровень образования различных групп провинциальной бюрократии XIX в. (на примере Тверской губернии) // Образование в XXI веке. – Тверь, 2001. – Кн.1: Образование и культура на пороге XXI века.

⁷ Любина Т.И. Биография «маленького человека»: задачи и особенности источниковой базы // Историко-методологические проблемы биографических исследований. – СПб., 2002. – С. 172.

⁸ Бок М.П. П.А.Столыпин: Воспоминания о моем отце. – М., 1992. – С. 5.

1) традиции той социальной группы, в которой сформировался чиновник. Например, выходцы из среды духовенства вступали в брак в относительно молодом возрасте и преимущественно с представительницами той же социальной группы;

2) наличие или отсутствие каких-либо карьерных устремлений и амбиций, степень пространственной мобильности;

3) наличие «выгодной» невесты, возможность с помощью женитьбы улучшить своё материальное положение, продвинуться по службе;

4) семейный кризис; например, смерть матери и повторный брак отца могли стать причиной ранней женитьбы сына, смерть же отца, напротив, могла привести к откладыванию брака;

5) случайные факторы: например, недостаток общения, скука уездного города, перспектива рождения внебрачного ребенка и т.п. Судебный следователь Д.А. Скульский, описывая образ жизни в одном из уездных городов Тверской губернии, попутно заметил: «В моё время там даже не было ни клуба, ни библиотеки: можно представить, как в этом городе одиноким людям бывало весело в зимнее время, – вероятно, по этой причине все холостые лица судебного ведомства, оседавшие в К-не - находили здесь свою судьбу»⁹.

Брачный выбор чиновника зависел от круга социального общения, на формировании которого сказывались: социальное происхождение служащего, его возраст, образование, места службы и проживания. По наблюдению Л.А. Анохиной и М.Н. Шмелевой, «социальные различия населения в очень острой форме проявлялись именно в области семейно-брачных отношений, когда перегородки между отдельными группами во многих случаях оказывались непреодолимыми»¹⁰. В этом плане регулировались, например, отношения молодежи, достигшей брачного возраста, общение которой допускалось лишь в рамках своей социальной среды. Поэтому выявление закономерностей в «выборе невест» будет способствовать уточнению места чиновничества в российском социуме конца XIX – начала XX в.

Как и следовало ожидать, самой большой процент невест дала дворянско-чиновничья среда. Из 249 браков¹¹, зарегистрированных в 60 приходах Тверской губернии с 1880 по 1906 гг., 30% были заключены с дочерьми чиновников, дворян и офицеров.

Примерно столько же (29%) невест вышло из мещанской среды. Чаще всего в брак с мещанками вступали лица, стоявшие на нижних ступенях бюрократической иерархии и не имевшие перспектив быстрого карьерного роста, не служившие (и, очевидно, не имевшие определённых занятий) сыновья чиновников, старые холостяки. Распространённость браков с мещанками свидетельствует, что мелкое чиновничество по своему образу жизни, интересам, кругу общения, местам проживания (т.е. размещению в социальном пространстве провинциального города) было близко к мещанству.

11% служащих женились на дочерях купцов и почетных граждан. Отметим, что эти браки не означали приобщения чиновничества к буржуазной среде, втя-

⁹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). – Ф. Р-570. – Оп. 2. – Д. 903. – Л. 21 об.–22.

¹⁰ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – М., 1977. – С. 33.

¹¹ Речь идёт только о первых браках, повторные браки в данном случае не учитываются.

гивания его в орбиту капиталистического предпринимательства и распространения на него буржуазной психологии. Для большинства чиновников богатство было не целью, а средством, одним из возможных путей проникновения в тот социальный круг, куда стремился молодой служащий, но куда не мог попасть из-за низкого социального происхождения, бедности, маленького чина. Состояния, которые приносили с собой жены, как правило, растрчивались непроизводительно, шли на ведение «соответствующего образа жизни» и практически никогда не приумножались. В отличие от мещанок, избранниками купеческих дочек становились средние (по провинциальным меркам) или весьма перспективные молодые чиновники, имевшие достаточно высокое образование и шансы подняться вверх по служебной лестнице: юристы, податные инспекторы и т.п.

На дочерях священно- и церковнослужителей (6%) обычно женились чиновники, вышедшие из той же среды. Весьма значительной оказалась доля браков, заключённых между чиновниками (сыновьями чиновников) и крестьянками (10%). Очевидно, этому способствовало усиление притока крестьянства в города и смешение его с низшими городскими слоями, в том числе мещанством и мелким чиновничеством.

Таким образом, брачный выбор чиновников формировался под влиянием целого ряда обстоятельств:

1) сказывалось (особенно при женитьбе в раннем возрасте) социальное происхождение чиновника, влияние того окружения, в котором он вырос, мнение родителей;

2) вместе с тем, молодые люди, имевшие собственный источник существования, жившие отдельно от родителей (иногда в другом городе), постепенно отрывались от той среды, в которой они формировались. Одновременно шёл процесс их адаптации в новой бюрократической среде. Неизбежный для этого переходного периода синкретизм представлений, а также определённая маргинальность (как правило, временная) начинающего чиновника накладывали свой отпечаток на брачный выбор;

3) сословный статус невесты, который указывался в метрических книгах, не совсем точно отражал её истинное социальное положение. Например, некоторые мещанки (получившие хорошее образование и работавшие учительницами, фельдшерами, служащими в земских структурах) фактически принадлежали уже к иной социальной группе – интеллигенции. Некоторые мещанские семьи, занимавшиеся торговлей, предпринимательством, владевшие недвижимостью (домами, землёй) фактически принадлежали к категории мелкой и средней буржуазии;

4) наконец, необходимо учитывать, что социальное происхождение жены играло в жизни семьи меньшую роль по сравнению со статусом мужа. Например, во многих формулярных списках чиновников не упоминается ни происхождение жены, ни её девичья фамилия. Характерно, что это умолчание чаще всего касалось мещанок и крестьянок.

Составить более точное представление о брачных приоритетах, существовавших во второй половине XIX– начале XX в. в среде провинциальной бюрократии, позволит анализ социального положения женихов дочерей чиновников. Здесь абсолютное первенство принадлежало выходцам из дворянско-чиновничьей (46%) и близкой к ней интеллигентской (20%) среды. Иногда чиновники подбирали себе будущих зятьев среди подчиненных, вводили их в свой

дом, способствовали их служебному росту. «Этого я застал еще совсем молодым человеком, – вспоминал Л.М. Савелов об одном из чиновников, – но бывшим уже правой рукой секретаря Иванова, у которого он и жил, и который, по-видимому, готовил его в мужья своей Верочке, и когда тот женился на дочери бывшего купца, ... то добрые отношения прекратились, и Пospelову пришлось уходить...»¹²

Жёнами священников стали лишь 8% дочерей чиновников. В брак с купцами, мещанами и крестьянами вступили соответственно 5%, 6% и 5% девушек. В мемуарах Л.М. Савелова приводится любопытный эпизод, свидетельствующий, что брак дочери чиновника с мещанином рассматривался как социальное падение. Дочь председателя Острогожского окружного суда (Воронежская губерния) «каким-то образом сошлась с простым мещанином Шаповаловым и сделалась в интересном положении, и здесь, вместо того чтобы удалить ее из Острогожска, ... состряпали её свадьбу с Шаповаловым, которого устроили потом сторожем на железную дорогу, Настя же совершенно опустилась, ... превратилась в обыкновенную базарную торговку, и ругательски ругала ту среду, из которой вышла, и была, конечно, права»¹³.

Разница в возрасте брачующихся имела свои особенности в различных возрастных группах. Самый широкий диапазон наблюдался в возрастных категориях 26–30 лет (от –14¹⁴ до +14) и 31–35 лет (от –11 до +16). Самый узкий диапазон – в возрастных группах до 21 года (от –7 до +3) и 46–50 лет (от +20 до +24). Чиновники, не достигшие 21 года, в 45% случаев вступали в брак с девушками, которые были старше их (на 3–7 лет), в 9% – с ровесницами, и в 46% с теми, кто был моложе (на 1–3 года). В группе 21–25 лет с ровесницами по-прежнему вступали в брак 9% чиновников, с более старшими по возрасту невестами – 16%. Остальные 75% женились на более молодых, причем в 51% случаев разница в возрасте составляла не более 4 лет, в 24% случаев – 5–9 лет. В группе 26–30 лет на ровесницах женились лишь 4%, на более старших женщинах – 15%, причём разница в возрасте колебалась в значительных пределах – от 1 до 14 лет. В 81% случаев чиновники брали в жёны девушек моложе себя: 25% - на 1–4 года, 46% -на 5–9 лет, 10% – на 10–14 лет. В группе 31–35 лет доля ровесниц и более старших невест снижается соответственно до 2% и 7%, а доля девушек, которые были младше своих женихов на 10–16 лет, возрастает до 51%. В группе 36–40 лет последний показатель составляет 40%, в группе 41–45 лет – 60%, в группе 46–50 лет – 100%. Браков с ровесницами или с близкими по возрасту женщинами (разница в возрасте до 5 лет) среди чиновников 41–65 лет не зафиксировано.

Отношение к «нравным» бракам в чиновничьей среде было неоднозначным. Судя по мемуарам, значительное старшинство мужа воспринималось более спокойно, чем старшинство жены. В последнем случае в браке, как правило, усматривалась меркантильная подоплека¹⁵, и акцент делался на его негативных сторонах.

В чиновничьей среде нередким явлением были браки с женщинами иного вероисповедания. На основе формулярных списков было выявлено 17 таких случаев, на основе метрических книг – 27 случаев (в 16 из них брак был заключен ме-

¹² Савелов Л.М. Из воспоминаний, 1892–1903. – Воронеж, 1996. – С. 27.

¹³ Там же. – С. 17.

¹⁴ (-) означает, что возраст невесты превышал возраст жениха.

¹⁵ Савелов Л.М. Указ.соч. – С.15, 35.

жду лицами православного и лютеранского вероисповеданий, в 11 – между православными и католиками).

В соответствии с законом, дети, рождённые от брака православного с лицом иного вероисповедания, причислялись к православной конфессии. Формально это требование закона соблюдалось¹⁶. Однако, по наблюдениям мемуаристов, традиции, формировавшиеся в таких семьях (в частности, матримониальное поведение детей), подчас расходились с требованиями православия. Например, в семьях, где один из супругов был лютеранского вероисповедания, допускались браки с родственниками (двоюродными братьями и сестрами), запрещавшиеся православной церковью¹⁷. Упоминаются современниками и случаи, когда родители-чиновники препятствовали браку своих детей с лицами иной религиозной и национальной принадлежности¹⁸. Возможно, именно эта причина могла толкнуть кого-то из потенциальных супругов на смену веры. В метрических книгах Тверской губернии были зафиксированы два подобных случая. В 1893 г. австрийский подданный, учитель музыки Ф.О. Лашек женился на дочери коллежского асессора А.Л. Меншиковой. За 3 месяца до этого события жених сменил римско-католическое исповедание на православное¹⁹. В 1898 г. акцизный чиновник, титулярный советник Г.И. Марков женился на мешанке, бывшей раскольнице П.Т. Дьяконовой, которая была присоединена к официальной церкви за три недели до венчания²⁰.

В провинциальной чиновничьей среде в конце XIX– начале XX в. преобладала малая (простая, нуклеарная) семья, представлявшая собой супружескую чету с детьми, не состоявшими в браке. На основе первичных документов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. (переписных листов) был проведён анализ состава 42 чиновничьих семей, проживавших в уездных городах Ржеве, Весьегонске и в Весьегонском уезде.

Таблица 1. Количественный состав семей (1897 г.)

Количество семей	Количество членов семьи							
	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел.	7 чел.	8 чел.	9 чел.
Абс.	4	10	1	10	6	5	5	1
%	9,5	23,8	2,4	23,8	14,3	11,9	11,9	2,4

Сост. на основе: ГАТО. – Ф. 1073. – Оп. 1. Д. 94, 95, 96; Ф. 131. – Оп. 1. – Д.292, 292а, 293.

Таким образом, количество членов в 74% учтённых семей не превышало 6 человек. Из взрослых детей в состав семьи входили только незамужние дочери и неженатые сыновья (преимущественно учащиеся и студенты, т.е. не имевшие самостоятель-

¹⁶ Дочь титулярного советника С.И. Гречинская, римско-католического исповедания, вступая в брак с лесным кондуктором Н.И. Сахаровым, православным, дала подписку, что «в воспитании обоего пола детей от сего брака буду поступать согласно с законами Государства российского, то есть буду крестить и воспитывать их в православной вере» (ГАТО. – Ф. 160. – Оп. 15. – Д. 920. – Л. 274–275).

¹⁷ Савелов Л.М. Указ.соч. – С. 15.

¹⁸ Там же. – С. 36.

¹⁹ ГАТО. – Ф. 160. – Оп. 15. – Д. 346. – Л. 124, 132.

²⁰ Там же. – Д. 590. – Л. 504.

ных источников доходов). 9,5% семей состояли только из супружеской пары без детей.

Анализ, проведённый на основе формулярных списков, подтвердил вывод о том, что среди чиновничьих семей велика была доля бездетных. У табельных чиновников процент таких семей составлял 30,7%. У канцелярских чиновников и служащих – 37,14%. В 32,3% семей²¹ было 1–2 ребенка, в 22,2% – трое-четверо детей, в 13,5% семей – более 5 детей. Правда, соотношение удельного веса бездетных, малодетных и многодетных семей было различным в разных возрастных группах, но в целом в чиновничьей среде преобладали бездетные семьи и семьи с 1–4 детьми.

Это подтверждается и данными переписи 1897 г. Среди лиц, занятых в учреждениях администрации, суда и полиции, на одного служащего приходилось в среднем 2 члена семьи (следовательно, в среднем семья состояла из 3 человек), у состоящих на общественной и сословной службе на одного работающего приходилось в среднем 1,56 членов семьи (состав семьи – 2,56 человек), у занятых в почтово-телеграфной сфере на 1 работника приходилось в среднем 1,64 члена семьи (состав семьи – 2,64 человека)²².

Таким образом, многодетность в чиновничьей среде в конце XIX– начале XX в. являлась скорее исключением, чем правилом, что нашло отражение в воспоминаниях современников. Мемуаристы обычно акцентируют внимание читателей на таких нетипичных семьях и в рассказе о них делают упор на переживаемые ими трудности и проблемы, в том числе, помехи в карьере²³. Это относится и к тем авторам воспоминаний, которые сами воспитывались в многодетных семьях²⁴.

Случай усыновления (если оно не являлось результатом брака) чужих детей в чиновничьих семьях были явлением редким. Удалось выявить всего три таких случая.

1. Акцизный чиновник, потомственный дворянин А.А. Дмитриев-Мамонов в 1894 г. (в возрасте 29 лет) женился на 20-летней дочери статского советника. По данным переписи 1897 г. семья Дмитриевых-Мамоновых, проживавшая в Вёсегонске, насчитывала 5 человек. Кроме супругов в нее входили: 23-летняя сестра жены, 21-летний брат мужа (мещанин Саратовской губернии Т.Г. Лек) и 5-летний «приемыш» – «питомец воспитательного дома» Николай Богданов²⁵. В 1904 г. 12-летний Николай был официально усыновлён А.А. Дмитриевым-Мамоновым. В 1910 г. Александр Александрович начинает процесс по усыновлению внебрачного сына своего «покой-

²¹ Учитываются семьи штатных чиновников, канцелярских чиновников и канцелярских служащих.

²² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – СПб., 1904. – Т. XLIII. – Тверская губерния. – С. 152–159.

²³ Например, Д.А. Скульский, упоминая об одном из прокуроров Кашинского окружного суда, заметил: «К-в был человек без всякого влияния где бы то ни было, ... обременённый большой семьей, жил очень скромно...» (ГАТО. – Ф. Р-570. – Оп. 2. – Д. 902. – Л. 135); С.Д. Урусов, рассказывая об одном из чиновников, который «двигался по ветру и течению», обратил внимание, что тот «скромно жил среди своей большой семьи, мало показываясь на людях и в местном обществе...» (Урусов С.Д. «И вот, вдали показался красавец Ярославль...»: Из воспоминаний // Ярославская старина. – 1997. – № 4. – С. 51). Те же мотивы звучат и в воспоминаниях Л.М. Савелова: «Больше всего мы сошлись с городским судьей Александром Алексеевичем Щепотьевым ... и его женой Клеопатрой Никаноровной, урождённой Коноровой (она, собственно говоря, была Андреевской, но её усыновил её родной дядя Никанор, освобождая этим несколько её родителей, имевших кучу детей), имевшими огромное потомство (11 живых из 21) (Савелов Л.М. Указ.соч. – С. 19).

²⁴ Из калязинских воспоминаний моего детства // Леонтьев Я.В. Калязинская хрестоматия. – М., 2002. – С. 50–54.

²⁵ ГАТО. – Ф. 131. – Оп. 1. – Д. 293. – Л. 12–12а.

ного брата Дмитрия Александровича Дмитриева-Мамонова», но, по-видимому, безрезультатно²⁶. В данном случае основной причиной усыновления была бездетность супружеской пары.

2. Акцизный чиновник В.И. Гамбурцев, женившийся в 1903 г. (в возрасте 38 лет) на 38-летней купеческой вдове, в 1907 г. усыновил 10-летнего мальчика Сергея. У мальчика были родные отец («запасной рядовой из крестьян» Московской губернии, который на момент усыновления, очевидно, находился в тюрьме) и мать. Любопытно, что к 1907 г. в семье Гамбурцевых уже были двое собственных детей – дочь (1904 г.р.) и сын (1906 г. р.). В начале 1910-х гг., когда дети достигли школьного возраста, а у Владимира Ивановича появились проблемы со здоровьем и, как результат, опасность отставки, семья оказалась в очень сложной ситуации. В 1912 г. Гамбурцев писал в своём прошении: «Для выполнения служебных обязанностей моих сил надолго не хватит. Между тем дети мои только еще начинают входить в школьный возраст. Поэтому, чтобы хотя отчасти, выйти из столь затруднительного материального положения, жена моя, будучи уроженкой города Осташкова и имея там обширные знакомства, предполагает открыть в городе мастерскую шляп». В связи с этим Гамбурцев ходатайствовал о переводе его в Осташков. Его перевели, но с условием, что через год он выйдет в отставку²⁷.

3. Столоначальник Зубцовского полицейского управления коллежский регистратор М.И. Яконовский усыновлял подкидышей. В 1899 г. он принял на воспитание двух девочек, подкинутых к его дому²⁸, в 1903 г. – девочку, подкинутую к дому крестьянина д.Тимонина Зубцовского уезда²⁹. При этом в семье Яконовских было четверо своих детей³⁰.

Наиболее частой причиной прекращения существования семьи являлась смерть одного из супругов. Болезнь и смерть жены становились для чиновника тяжёлым испытанием, особенно если в семье были дети. Помимо моральной травмы, появлялись хозяйственные и финансовые проблемы. Рассуждая о доходах чиновников судебного ведомства, Д.А. Скульский заметил: «Семейному человеку кое-как можно было бы на это существовать..., но и то лишь при одном непременном условии, если в семье все будут здоровы: ... – но стоит в семье кому-нибудь серьёзно заболеть (самый простой случай – неудачные роды жены) и надо ехать в специальную лечебницу, – тогда кончено: судьбе бедняку по необходимости приходится лезть в долги...»³¹. В личных делах служащих разных ведомств встречаются прошения о пособиях на лечение жен, просьбы о предоставлении отпусков. «Жена моя, – писал начальнику акцизный чиновник Б.А. Суворов, – как доктора уверяют, протянет не долго: при благоприятных обстоятельствах, до половины июня. Положение мое крайне тяжёлое и мне придется просить у Вас отпуска, так как едва ли возможно будет заниматься»³². В мемуарах упоминаются случаи, когда смерть жены приводила к упущениям по службе и, как следствие, нареканиям со стороны начальства.

²⁶ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 8597.

²⁷ Там же. – Д. 340.

²⁸ ГАТО. – Ф. 160. – Оп. 15. – Д. 652. – Л. 214, 223.

²⁹ Там же. – Д. 1002. – Л. 543.

³⁰ ГАТО. – Ф. 466. – Оп. 1. – Д. 5840. – Л. 70.

³¹ ГАТО. – Ф. Р-570. – Оп. 1. – Д. 902. – Л. 107об.–108.

³² ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 218. – Л. 116.

Некоторые из овдовевших чиновников вступали во второй, а иногда и в третий браки. В метрических книгах Тверской губернии было обнаружено 43 случая повторных браков вдовцов. Из них 39 чиновников (91%) вступили в брак во второй раз, 4 человека (9%) – в третий раз. По возрастным группам они распределяются следующим образом:

Таблица 2. Возраст вдовцов, вступивших в повторный брак

Колич. человек	Возрастная группа									
	26-30	31-35	36-40	41-45	46-50	51-55	56-60	61-65	66-70	71-80
абс.	1	4	4	4	5	6	9	5	3	2
%	2	9	9	9	12	14	21	12	7	5

Разница в возрасте колебалась в диапазоне от –6 (жена была старше мужа на 6 лет) до +40 (муж старше жены на 40 лет). Только в двух случаях жены были старше своих мужей. Двое чиновников (5%) женились на женщинах, которые были младше их на 5–6 лет. В остальных браках мужчины были старше своих избранниц. В 7 (16%) случаях разница в возрасте составила от 6 до 10 лет. В 12 (28%) случаях – от 11 до 15 лет. В 7 (16%) браках – от 16 до 20 лет. В 6 (14%) браках – от 21 до 25 лет. В 3 (7%) случаях – от 26 до 30 лет. И в 6 (14%) – от 31 до 40 лет. Лишь в 11 (26%) случаях чиновники-вдовцы женились на вдовах, в остальных 32 (74%) – на девушках, вступавших в первый брак. Среди невест были дочери чиновников, священников, купцов, мещанки, крестьянки.

Архивные документы сохранили следы настоящих семейных трагедий, которые разыгрывались в провинциальной чиновничьей среде. Приведу лишь два примера. В январе 1881 г. у 39-летнего чиновника Тверской казенной палаты кол. секр. А.М. Струженского умерла жена³³. Причиной смерти 37-летней женщины стали неудачные роды. Алексей Михайлович остался один с тремя малолетними детьми. В феврале того же года у Струженского умерла от кори полугодовалая дочь. А в конце августа 1881 г. чиновник женился на 29-летней девице – дочери священника³⁴. Однако этот брак оказался недолгим – в июле 1882 г. Струженский овдовел вторично, и вновь причиной были неудачные роды. В январе 1883 г. чиновник женился в третий раз. Невеста (26-летняя дочь священника из Бежецкого уезда) была моложе жениха на 14 лет³⁵.

В 1901 г. трагедия постигла семью Осташковского уездного исправника В.Н. Севенарда. От рака умерла его 56-летняя жена³⁶. Не прошло и четырех месяцев после смерти жены, как 59-летний Севенард женился на 23-летней купеческой дочери, которая была на 12 лет младше его старшего сына и фактически ровестницей младших из 11 его детей³⁷. За период с 1902 по 1905 г. у В.Н. Севенарда и его второй жены родилось трое детей. Но, по всей видимости, отношения с детьми от первого брака были испорчены навсегда.

Официальные разводы в чиновничьей среде в конце XIX– начале XX в. были явлением нечастым. В метрических книгах удалось выявить всего 9 случаев (2,3% от числа заключенных браков) расторжения браков. В 8 из них причиной

³³ ГАТО. – Ф. 160. – Оп. 15. – Д. 552. – Л. 322об.–323.

³⁴ Там же. – Л. 317об. – 318.

³⁵ Там же. – Л. 354об. – 355.

³⁶ Там же. – Д. 771. – Л. 115.

³⁷ Там же. – Д. 771. – Л. 98.

развода было нарушение верности одним из супругов, в одном случае – сумасшествие жены. Продолжительность браков к моменту их расторжения составляла: 6 лет, в двух случаях по 7 лет, 8 лет, в двух случаях по 9 лет, 13 лет, 16 лет и 27 лет. Приведу один пример. Акцизный чиновник, дворянин Д.А. Мириманов 1860 г. р., армяно-григорианского вероисповедания в 1886 г. женился на православной А.М. Юрьевой. В браке родилось двое детей. В 1895 г. брак Мириманова был расторгнут из-за «нарушения женой супружеской верности». В том же 1895 г. Мириманов женился на дочери дворянина, коллежского советника Л.В. Севенард³⁸. По переписи 1897 г. новая семья чиновника состояла из 5 человек: супругов Д.А. и Л.В. Миримановых, их 7-месячной дочери, а также 11-летнего брата и 14-летней сестры жены³⁹. Таким образом, дети от первого брака остались с отцом после развода с матерью.

Анализ явлений, относящихся к интимно-семейной стороне жизни чиновников, как сфере наименее контролируемой, неформальной, позволяет уточнить ценностные ориентации изучаемой социальной группы. Наряду с мемуарами, важным источником здесь является художественная литература, в частности, произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, знавшего провинциальную чиновничью среду изнутри.

Для многих мелких и средних чиновников, которых М.Е. Салтыков-Щедрин отнёс к типу «Молчалиных», личная жизнь, дом, семья, дети, повседневный быт являлись тем стержнем, той внутренней опорой, которая придавала изначально бессильному, забитому, робкому человеку определенную жизненную «цепкость», «терпкость, даже жестокость»⁴⁰. Именно стремление «ухитить и защитить свое гнездо»⁴¹, сохранить в неприкосновенности привычную житейскую обстановку заставляли «молчалиных» карабкаться вверх по служебной лестнице, терпеливо сносить обиды и унижения от самодуров-начальников, подчас толкали на предательство, месть и т. п.

Мелкие, «серенькие» личные интересы, такие как «дешевизна или дороговизна квартир, съестных припасов и других незатейливых жизненных удобств, возможность или невозможность оставаться при однажды принятом образе жизни и привычках» являлись в глазах «молчалиных» «единственным мерилом для оценки великих и малых событий, совершающихся на всемирной арене»⁴².

По наблюдению Салтыкова, «молчалины» устраивали свою личную жизнь по возможности независимо от профессии. Два существования – казённое и своё собственное, личное – шли у этих людей рядом, но шли «особняком, не сливаясь, а ежели по временам и влияли друг на друга, то скорее в ущерб первому, нежели последнему»⁴³. И всё же степень независимости, обособленности личной и казённой сторон жизни чиновников была, по всей видимости, не столь велика. Косвенным подтверждением существования не только внешней, формально-юридической, официальной, но и более глубокой, внутренней зависимости и

³⁸ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 330.

³⁹ ГАТО. – Ф. 1073. – Оп. 1. – Д. 94. – Л. 401–402.

⁴⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Молчалины. – С. 369, 370.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. – С. 369, 370.

приверженности чиновничества самодержавному государству, осознания себя его составной частью был, на наш взгляд, выбор имен сыновей.

Принимая во внимание, что выбор имени мог определяться несколькими факторами: датой рождения ребёнка (церковным календарем), именем приемника, именами родителей отца и матери ребёнка, модой и т.п., нельзя не заметить явное преобладание в чиновничьей среде двух имён – Николай и Александр, которые могут считаться «родовыми именами» династии Романовых в XIX в. Вряд ли этот факт можно расценить как простое совпадение, тем более что первая пятёрка наиболее популярных во второй половине XIX в. имён полностью соответствует именам великих князей – сыновей Александра II и Александра III.

В домашней обстановке, в кругу семьи, в общении с друзьями «сквозь наносную кору молчалинства» проступали «черты подлинного человеческого образа». С семьей, с обеспеченным и безоблачным будущим детей были связаны все мечты «молчалиных». Но здесь же в семье, следуя концепции Салтыкова, подстерегала чиновников и настоящая трагедия, которая затронет самые чувствительные струны, растревожит и потрясет их. Трагическую развязку существованию Молчалиных принесут их дети. С суровой неумолимостью бесповоротного убеждения они откажутся следовать проторенной колеей отцов, отвернуться от их деятельности и осудят её. Только так, через подрастающее поколение, со слезами и болью, могли, по мысли Салтыкова, проникнуть в замкнутую среду мелкого и среднего чиновничества освободительные, революционные идеи. Особенно ярко трагический конфликт отцов и детей в чиновничьих семьях Салтыков-Щедрин показал в рассказе «Больное место».

Отдельные подтверждения существования этого конфликта можно найти и в реальной действительности. Сын уездного члена Кашинского окружного суда по Угличскому уезду Д.И. Крылова (человека весьма консервативных взглядов), будучи гимназистом старшего класса, попал под суд за совершение «государственного преступления»; за распространение нелегальной литературы был осуждён сын чиновника П.Г. Бутягина; четверо сыновей акцизного чиновника И.М. Малеева, при всей их любви и уважении к отцу, не желали следовать по его стопам и избрали небюрократические профессии. Однако сделать вывод о размерах и степени распространенности этого конфликта в пореформенную эпоху на основе имеющихся отдельных разрозненных фактов нельзя, как невозможно подтвердить или опровергнуть предположение Салтыкова-Щедрина о трагическом «финале, которым должно разрешиться молчалинское существование», о «казни», которую «им принесут Молчалины-дети»⁴⁴.

Таким образом, семья занимала неодинаковое место в жизни разных типов чиновников. Для одних на первом месте стояла карьера, достижение определённого положения в обществе. Такие чиновники либо женились «по расчету», рассматривая брак как один из возможных путей достижения цели, либо обзаводились семьей в зрелом возрасте, либо вообще не имели семьи. Для других семья была опорой и стержнем жизни. Все – карьера, служба, хлопоты о пособиях, в конечном счете, были подчинены цели сохранения благополучия семьи. Именно в семейной обстановке, в кругу близких, друзей раскрывались их лучшие человеческие качества. У основной массы чиновников на индивидуально-семейном уровне прослеживается высокая степень зависимости и приверженности само-

⁴⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Молчалины. – С. 503.

державному государству и отсутствие стремления приобщиться путем брака к буржуазно-предпринимательской среде.

Что касается демографических характеристик, то провинциальная бюрократическая среда в конце XIX– начале XX в. отличалась: относительно большой долей лиц, никогда не состоявших в браке (не менее 10% в любой возрастной группе), сравнительно поздним вступлением в первый брак (по расчетам средний возраст составил 28,2 лет), широким социальным спектром брачного выбора, абсолютным преобладанием малых (нуклеарных) семей, в которых доля многодетных семей была незначительна, редкостью разводов, которые, однако, имели тенденцию к учащению в начале XX в. Таким образом, в чиновничьей среде отчетливо проявились те тенденции, которые отмечены в демографическом поведении *городского* населения России рубежа веков.